

ВЕЛИКОДУШНЫЙ МУЖ

Комедия в двух действиях

ЛИЦА:

Логин Герасимович Кайданов, богатый человек, 55 лет.

Наталья Богдановна, его жена, 25 лет.

Аркадий Тимофеевич Полянский, человек живущий своим трудом, 28 лет.

Прохор Маркелыч Востроныхов, отставной буфетчик, хозяин квартиры, нанимаемой Полянским, 50 лет.

Глаша, дочь Востроныхова, 18 лет.

Вукол Пантелеич Праведнов, письмоводитель у квартального и жених Глашеньки 25 лет.

Действие в Петербурге.

Сцена представляет чистую комнату квартиры Полянского. Налево дверь в комнату, которая служит ему спальною и в то же время кабинетом. Вечер.

На столе одна свеча.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Полянский, потом Востроныхов.

Полянский ходит по комнате, опустив голову, становится к окну, перебирает пальцами по стеклу, опять ходит, садится и закрывает лицо руками. Между тем входит Востроныхов, останавливается у двери, потом кашляет.

Востроныхов (*кашляет*). Кхе, кхе.

Полянский (*встрепенувшись, встает и идет к нему*).

Востроныхов. Прошу извинения, что помешал. Вы изволили сказать, Аркадий Тимофеевич, чтобы я пришел, как ворочусь.

Полянский. Да, Прохор Маркелыч. Нам надобно рассчитаться. Завтра поутру я уезжаю из вашего прекрасного Петербурга,

Востронюхов. На то ваша воля, Аркадий Тимофеевич. Мы удерживать не можем, хотя огорчительно терять такого жильца.

Полянский. За квартиру заплачено вперед до первого числа.

Востронюхов. Точно так-с.

Полянский. За стол и прислугу, — ныне 8 число, — ну, пусть идет за половину месяца (*вынимает бумажник*), от двадцати рублей половина десятая, — вот извольте (*подает десятирублевую бумажку*) таким образом счета наши кончены.

Востронюхов (*берет*). Покорно благодарим, Аркадий Тимофеевич (*мнется*), только извините меня, Аркадий Тимофеевич, для меня это несколько обидно как будто бы-с.

Полянский (*с легкой насмешкой*). Как же обидно? — Когда я дал вам больше, нежели следует?

Востронюхов. Это точно так-с, Аркадий Тимофеевич; а все же как будто несколько обидно. Не будет ли вашей милости заплатить за стол хотя бы до первого числа?

Полянский (*качнув головою*). Ну, пожалуй (*подает десять рублей*).

Востронюхов (*берет*). Покорно благодарим-с, Аркадий Тимофеевич (*со вздохом глубокого убеждения*) — тем больше я понимаю это, Аркадий Тимофеевич, как знаю, что деньги-то вам тоже не даром приходят, а трудовые. Если бы не такие мои обстоятельства, то даже и не решился бы.

Полянский. Какие же ваши обстоятельства? Кажется, вы имеете деньги.

Востронюхов. Что мог приобрести, приобретал, Аркадий Тимофеевич. Не могу роптать на бога. Но тоже и дети, Аркадий Тимофеевич. Глашеньку отдаю замуж. Расходы-с. Жених-то еще только начинает оперяться. Нельзя, надобно поддержать на первый раз. Определил его на должность, — это сколько стоило-с (*вздыхает*). Совсем отощал карманом, Аркадий Тимофеевич. Вот на-днях свадьба, надобно снаряжать девушку под венец, — а где деньги? (*Вздыхает*).

Полянский (*улыбается*). Вполне снарядить вашу дочь под венец не могу. Но вот вам, пожалуй, на перчатки ей (*дает пять рублей*).

Востронюхов. Покорно благодарим, Аркадий Тимофеевич.

Полянский (*ходит по комнате. Через несколько времени замечает, что Востронюхов еще не ушел, улыбается. Опять ходит. Остановливается перед Востронюховым*). Так ваша дочь выходит не за старика?

Востронюхов. За молодого человека, Аркадий Тимофеевич,

Полянский (с горькою насмешкою). Ваша дочь делает дурно. Лучше бы за старика, за богатого, разумеется, гораздо бы лучше.

Востроныхов (понимая шутку). Нет, Аркадий Тимофеевич, это последнее дело.

Полянский. Вы так полагаете? А я думаю иначе.

Востроныхов. Если кому лучше жить со старым мужем в богатстве, нежели с ровным себе, которого можно любить, хотя бы и без большого богатства, у такой, извините меня, Аркадий Тимофеевич, самая низкая душа.

Полянский. Вы слишком грубо судите, Прохор Маркелыч. В нашем образованном, порядочном, благородном обществе нельзя судить так невежественно. Женщина, для которой деньги дороже всего — умная женщина; Прохор Маркелыч (ходит).

Востроныхов. Нет-с, мы с женою и с детьми, слава богу, не такие образованные, Аркадий Тимофеевич. Глашенька выходит потому, что человек нравится ей. Мы с женою соглашаемся потому, что знаем: в этом счастье, Аркадий Тимофеевич, во взаимном расположении. А что беден, так бог не без милости: был бы человек с рассуждением, то и не останется без куска хлеба. И будут жить. И надемся, Аркадий Тимофеевич, будут. Молодой человек, не успел еще стать на ноги, приобрести, потому и не имеет. А бог даст, и приобретет. Как не приобрести? Был бы ум! А умом его бог не обидел. И дело знает. Не по летам знает. Деловой человек, это можно сказать, — умный человек! О, умен! Ума палата! Я вот сам, слава богу, не пожалуюсь на моего создателя, чтобы дураком родился, и притом сколько же свету видел на моем веку! Но перед Вуколом Пантелеичем — пас. Далеко пойдет! Не позволите ли, Аркадий Тимофеевич, привести его, сделать ему честь вашего знакомства?

Полянский (продолжает ходить, не слушая, останавливается после некоторой паузы и быстро спрашивает). Что?

Востроныхов. Просил о позволении привести Вукола Пантелеича, Аркадий Тимофеевич, чтобы удостоить его чести вашего знакомства. Он теперь сидит у нас.

Полянский. Какого Вукола Пантелеича?

Востроныхов. Нареченного моего зятя, Аркадий Тимофеевич.

Полянский. А! Нет, Прохор Маркелыч: зачем же ему знакомиться со мною, когда я завтра уезжаю?

Востроныхов. Это большого ума человек, Аркадий Тимофеевич. Я сам не могу пожаловаться на бога, чтобы родился дураком, — и не мало видел на своем веку, — недаром прожил на свете пятьдесят лет, двадцать лет буфетчиком был у Ивана Иваныча Излера, могу сказать: знаю людей, понимаю жизнь, а не стыжусь признаваться: перед Вуколом Пантелеичем — пас, хоть молоко на губах у него почти что не обсохло. Палата ума!

Полянск и й. Очень рад, Прохор Маркелыч, что вы так довольны вашим нареченным зятем. Но избавьте себя и его от напрасного беспокойства.

Востро н ю х о в. Почему же знать, что напрасного, Аркадий Тимофеевич?

Полянск и й. Как же не напрасного, когда я завтра уезжаю? Не могу быть ничем полезен ни вам, ни ему. Вероятно, вы хотите, чтобы я доставил ему протекцию по службе? Мог бы, если б у меня оставалось время присмотреться к нему. Но рекомендовать человека, которого не узнал хорошо — это не в моих правилах.

Востро н ю х о в. Это я понимаю, Аркадий Тимофеевич. И смею сказать, что не то было в моих мыслях. Когда такой человек, как Вукол Пантелеич, поставлен на ноги, дана ему хоть маленькая должность, заботы о нем нечего иметь: сам пойдет, без протекции все приобретет своим собственным достоинством в глазах начальства.

Полянск и й. Верю.

Востро н ю х о в. У меня в мыслях было другое, Аркадий Тимофеевич. Позвольте ли сказать, как я понимаю и что было у меня в виду? Не будучи дураком, не могу не видеть, что вы чем-то озабочены или, как бы сказать, расстроены.

Полянск и й. Нисколько.

Востро н ю х о в. Что я вижу, того не могу не видеть, Аркадий Тимофеевич, что понимаю, того не могу не понимать, чего не понимаю, о том и не скажу, что понимаю. Вижу, Аркадий Тимофеевич, вы чем-то расстроены; понимаю, что в этом и причина вашего отъезда, — как же не понимать? Ничего не говорили, не собирались, за квартиру заплатили до первого числа вперед, — и вдруг, уезжаете. Огорчены, неожиданное расстройство. Как этого не видеть? Но в чем ваше затруднение, того не понимаю и не хвалюсь, что понимаю. Вижу только, что вы не желаете говорить. Вижу, а разгадать не могу, тем меньше подать совет, пособить. А Вукол Пантелеич не моего ума человек, — по наружности ничего особенного, и бойкости по виду не имеет и не речист. Просто, тупой человек скажете. А пока вы это скажете, он уже насквозь вас понял, и дела ваши все и затруднения, хотя вы ни одним словом о том не заикались, и касаться того не хотели, — и не только он все понял, у него уж и соображено, как устроить дело, — и одно слово, только одно слово он вам скажет, но одно это слово — золотое.

Полянск и й (слушавший с улыбкою). Так вот что! Вы хотите, чтобы ваш Вукол Пантелеич пособил мне!

Востро н ю х о в. Как же не хотеть, Аркадий Тимофеевич? Прожили вы у меня больше года, и хотя мне известно, что и сам вы не миллионер какой-нибудь, но во всех расчетах со мною и до хозяйства вашему с моею супругою, не то чтобы нам иметь

неприятность, должны мы только всегда быть благодарными, — что ж бы я был за бесчувственный скот, если б не имел всего моего к вам расположения, и в чем мог, не желал бы служить всею моею душою, от полноты моего сердца?

Полянский. Благодарю за ваше доброе расположение ко мне, Прохор Маркелыч, но если б у меня и было, как вы полагаете, какое-нибудь затруднение или огорчение, ни вы, ни ваш нареченный зять, никто на свете не может пособить этому.

Востронохов. Как знать, Аркадий Тимофеевич?

Полянский. Оставим этот разговор, Прохор Маркелыч. Если хотите оказать мне услугу, то распорядитесь, чтобы подали самовар, — другой услуги никакой не можете вы оказать мне.

Востронохов. Как знать, Аркадий Тимофеевич? И в чем ваше затруднение такое, что никто и помочь в нем не может? Кроме денежных, какие же такие бывают затруднения? Хоть нам и видно было, что ни картами, ни французенками вы не занимаетесь, но всякая ошибка может быть натуральна со стороны молодого человека — и проигратъся, и дать вексель какой-нибудь, с вашего позволения, хитрой твари...

Полянский (с некоторым нетерпением). Я просил вас прекратить этот разговор.

Востронохов. Рассердились, Аркадий Тимофеевич, вот и видно, что я угадал. Выдали вексель, не по своему состоянию, не отпирайтесь. Что же, быть молодцу не укор, Аркадий Тимофеевич, это не кладет бесчестья на молодого человека.

Полянский (с досадою). Да с чего вы взяли выдумывать такой небывалый вздор? Никакого векселя никому я не давал, и никому не должен ни копейки.

Востронохов. Нет, Аркадий Тимофеевич, это я вижу теперь: вы отпираетесь потому, что не можете уплатить по векселю. Так зачем же и уплачивать? Вы расскажите все откровенно Вуколу Пантелеичу, и какое бы кляузное дело ни было, он найдет крючок, такой, что присудят вас освободить от взыскания, — даже вам же тот человек даст денег, чтобы самому не итти под суд.

Полянский. Вы начинаете сердить меня вашим вздорным приставаньем. Прошу вас, прикажите подать самовар.

Востронохов. Аркадий Тимофеевич, мое искреннее расположение к вам не позволяет мне оставить... (На шорох платья входящей Кайдановой оглядывается и исчезает.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Полянский, Наталья Богдановна.

Наталья Богдановна (входит быстро).

Полянский (отшатывается не веря глазам).

Наталья Богдановна. Я пришла к вам... сказать вам,

что люблю вас... Я пришла к тебе... отдаться тебе... чтобы ты не мог сомневаться в моей любви к тебе... безграничной... безграничной... я обманывала тебя... *(рыдания, постепенно доходящие до спазм)* о, как я страдала, мой милый... о, как я буду страдать... мой милый, мой милый *(ноги ее подкашиваются, Полянский подхватывает ее на руки и сажает. Совершенно растерявшись мечется, не зная, как ухаживать за нею. Между тем в дверь выглядывает Востронюхов, убегает и через минуту входит с флаконом.)*

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же, Востронюхов.

Востронюхов. Вукол Пантеленич говорит, что я могу войти, что по моему расположению к вам *(между тем отдает флакон)* это будет не в продерзость перед вами, Аркадий Тимофеевич, когда нужно подать помощь *(между тем Полянский дает ей нюхать, целует ее руки. Она начинает оправляться. После некоторой паузы, видя что она пришла в сознание)*. Не извольте беспокоиться, сударыня, — этого никто из благородных людей не может поставить в предосуждение, потому что какая же дама или благородная девица может жить на свете, иначе, когда так всеми принято? А на счет меня будьте без сомнения: как бы нет у меня ни глаз, ни языка, и особенно при моем расположении к Аркадию Тимофеевичу. Ну, слава богу, сударыня, теперь вы поправляетесь, и больше я не нужен. Желаю, чтобы все было отныне счастливо для вас, как того достойны вы и Аркадий Тимофеевич, и как без сомнения и будет. А если что понадобится, Аркадий Тимофеевич, то потрудитесь кликнуть меня: я тут подле буду *(уходит)*.

ЯВЛЕНИЕ 4

Полянский, Наталья Богдановна.

Полянский *(целует ее руки и обнимая ее колени)*. Милая моя... Милая моя... Мы уедем за границу, он будет бессилён мешать нашему счастью.

Наталья Богдановна *(закрывает лицо руками, слабым, но решительным голосом)*. Нет, мой милый, я возвращусь к нему. Я сказала тебе, что я люблю тебя, — и не могла перенести мысли, что ты будешь презирать меня, я пришла сказать тебе, что я умела ценить твое сердце, что я люблю тебя, — но я должна возвратиться к нему... несчастная... несчастная...

Полянский. Нет, Наташа, ты не пожертвуешь нашим счастьем предрассудку, пустому мнению света. Ты не покинешь меня, я не пушу тебя.

Наталья Богдановна. Я возвращусь к нему. Я должна возвратиться к нему. И ты, мой милый, не будешь удерживать меня. Не по предрассудку, мой милый, не по боязни обще-

ственного мнения, — нет, мой милый. Твое сердце оправдает меня. Что было бы тогда со всеми моими?

Полянск и й. Помилуй, Наташа, твой отец предводитель в своем уезде, дает обеды, балы — я это знаю и если ты не понимала до сих пор, что твои родные вовсе не какие-нибудь нищие, для которых ты обязана жертвовать собою, — если они обманули тебя, отдавая за него, и продолжают обманывать, обирая, — если ты не понимала этого, то теперь я говорю тебе... *(вбегает Праведнов, отталкивает его)*.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же, Праведнов.

Праведнов *(входя)*. Идет кто-то. Не муж ли сам? Сударь, если понадобится сказать: Матильда из модного магазина *(между тем, хватает и увлекает наполовину уносит на руках Наталью Богдановну в другую комнату, Полянский идет вслед)*.

ЯВЛЕНИЕ 6

Востронюхов, Кайданов, потом Полянский *(выходящий из другой комнаты)*.

Востронюхов *(входит задом, упираясь против Кайданова, отпихивая его и защищая свое лицо)*. Да нельзя же, сударь, так ломиться, когда вам говорят: занят с мамзелью. Да не извольте драться-то, сударь. Я сам не кто-нибудь: двадцать лет состоял буфетчиком у самого Ивана Ивановича Излера *(защищает несколько времени дверь)*. Да не слишком-то извольте так размахиваться: будете отвечать денежным бесчестьем *(летит от удара, который удастся Кайданову нанести ему, и в комнату врывается Кайданов, в это время возвращается из другой комнаты Полянский)*.

Полянск и й *(возвращаясь)*. Что за шум? Что за скотина так ломится? Ах, это вы, Логин Герасимович! Извините, пожалуйста, никак не мог ожидать.

Кайданов. Кто у вас в той комнате?

Полянск и й. Кто у меня в той комнате? Вот вопрос! Более интимный, нежели деликатный.

Кайданов *(наступая)*. Да, кто у вас там?

Полянск и й *(принуждая его отступить)*. Да что вы, с ума сошли, добрейший Логин Герасимович? Опекун, что ли, вы над моей нравственностью? Какое вам дело, кто там у меня?

Кайданов. А такое дело, милостивый государь, что я муж.

Полянск и й. Ах, в самом деле! Ха, ха, ха! Ну, признаюсь, мне самому никак бы не вздумалось, что вам пришла в голову такая нелепость! Точно, надобно успокоить вас. Садитесь-ка *(берет его за руку, а сам кричит к той комнате)*. Матильда,

Душенька, иди сюда, пожалуйста, покажись ему, — пусть видит, что ты не его жена, — ха, ха, ха! Ах, да, извини, это я по рассеянности, душенька: не требую от тебя невозможного и неприличного — не теперь выходи, душенька, а когда будет можно с приличием: сейчас принесут тебе все, чего недостает. Прохор Маркелыч, да чего же вы стоите, отец родной: бегите, велите поскорее подать ей юбки и все, что там у вас отдано Матильдой.

Востроногов. Сию минуту, Аркадий Тимофеевич (уходит).

ЯВЛЕНИЕ 7

Полянский, Кайданов.

Полянский. В ожидании, прошу садиться, и объяснить мне, с какой стати вы сделали мне честь предположением, столь лестным для меня.

Кайданов (садясь). Да вы точно покажете мне ту девушку?

Полянский (наблюдающий, чтобы Кайданов не мог ускользнуть мимо его в ту комнату, садится, когда тот уселся). Я полагаю, что когда честный человек скажет что-нибудь, то спрашивать его, не обманывает ли он, ведет к прекращению прямого разговора и к переговорам через посредников о месте, времени и прочих условиях.

Кайданов. Ну, ну, уж и дуэль! Погодите еще, я не знаю, у вас ли моя жена.

Полянский. Если вам не угодно верить моему слову, поезжайте домой и ждите моего секунданта (берет шляпу Кайданова и подает ему, другою рукою указывая на дверь в переднюю, сам вставая). Прошу вас об этом одолжении.

Кайданов. Да полноте же, я верю вам.

Полянский. И в этом случае, моя просьба к вам остается прежняя: вы понимаете, разговор, прерванный вашим деликатным посещением, интереснее для меня, нежели ваша милая беседа (настойчиво подает ему шляпу).

Кайданов (отбиваясь от шляпы). Да полноте же горячиться, пожалуйста, я... я... я хочу говорить с вами вовсе не в таком смысле, чтобы вы могли сердиться. Я... я... я хочу подействовать на ваше благородство, на ваше чувство деликатности... великодушия... всего святого и прекрасного.

Полянский. Если во мне есть такие чувства, то они совершенно не применяются к вашему положению здесь. Гость, который остается в комнате против желания хозяина, рискует подвергнуться выражению совершенно иных чувств.

Кайданов. Да послушайте же ради бога, когда я... когда я... хочу извиниться перед вами.

Полянский. Извиняйтесь только покороче.

К а й д а н о в. Видите ли, почему я подозревал: обедали вы с нами у Пафнутьевых, — едем оттуда с женою, — молчит, приехала домой, болит голова, — ушла к себе, — я слушаю у двери...

П о л я н с к и й. Прекрасное занятие.

К а й д а н о в. Отец родной, да как же? Я муж.

П о л я н с к и й. Муж и шпион — два разные звания.

К а й д а н о в. Вот как вооружены вы против меня! Не от шпионства это, от супружеского беспокойства, от заботливости, от любви. Слушаю, слышу: плачет. Устали у меня ноги стоять, ушел, спохватился через полчаса, — ее нет. Ну, грешный человек: и подумал на вас. Простите великодушно мою ошибку.

П о л я н с к и й. Теперь ваше извинение кончено и ничто не может мешать вам исполнить (*подает ему шляпу*) мою просьбу (*входит Востроныхов*).

Я В Л Е Н И Е 8

Т е ж е, В о с т р о н ю х о в приходит, уходит и приходит.

В о с т р о н ю х о в (*с юбкою в виде колокола на распростертых руках, идет к столу между Кайдановым и Полянским*). Вот, совсем была еще мокрая по хвосту, — и отмыть как следует не успела жена, — извольте видеть (*воздвигает юбку подолом выше стола под нос Полянского и Кайданова*) и извольте сами пощупать, еще сырая; выгладить-то досуха нельзя такую мокрую, прямо из корыта, — сожжешь, говорит жена, а досуха не выгладишь, особенно второпях, и хвост-то грязноват остался, так-то скоро не отмоешь: под таким-то дождем бежавши, известно, как захлюстаешь — (*к двери, в ту комнату*) мамзель, прикройтесь одеяльцем, и не стыдно будет от моих стариковских глаз (*идет к той комнате*); жене-то самой некогда, мне отдала отнестись вам.

К а й д а н о в. Ну, теперь, значит, ваша красавица может показаться мне.

В о с т р о н ю х о в (*останавливаясь*). Погодите, сударь: а сорочка-то? А чулки-то? Торопится жена, а скоро ли выстираешь, когда так захлюстано? И высушить время надо. А с ботинками уже не знаем как и быть: разве сбегать в магазин (*уходит в ту комнату*).

К а й д а н о в (*с язвительностью Полянскому*). Однакоже, ваша мамзель из магазина едва ли выйдет показаться мне. Впрочем, я совершенно верю вашему честному слову, что это мамзель из модного магазина.

П о л я н с к и й (*вставая*). Милостивый государь!

К а й д а н о в (*злбно передразнивая*). Что, милостивый государь? Штука-то теперь несомненная (*встает, чтобы итти*).

П о л я н с к и й. Вы смеете...

К а й д а н о в. Смею, милостивый государь (*хочет итти*).

Полянский (удерживая его). Извините: кто бы ни была женщина, доверившаяся честному человеку, он обязан убить мерзавца, который...

Востронюхов (у которого развязность прежде была несколько натянутая, возвращается из той комнаты с совершеннейшим апломбом, и с искреннею насмешливостью). Сударь, сударь, не горячитесь, не из-за чего, сударь; когда вас так подмывает посмотреть на мамзель, нечего делать, принесу ей женино белье и обуься ей от жены, — в момент увидите ее, выйдет сама. А теперь не извольте лезть: совсем закрылась одеялом, и с головою: как бы то ни было, сударь, все-таки девица, стыдно показаться-то постороннему в наряде как мать родила. Теперь юбку положил ей, — но все же слишком малое прикрытие наготы. Погодите, сударь, минуточку, выйдет к вам в полной форме. Ха-ха-ха (уходя). Эх, вы, сударь, сударь! Горячитесь-то попустому! (Уходит в дверь передней.)

Кайданов (все вытаращивавший глаза). Да что же это? Значит я точно ошибался.

Полянский (пожимает плечами).

Кайданов. Подождем, когда так (идет сесть).

Полянский. Как жалка ваша роль, как смешна и подла.

Кайданов (помолчав). Но если так, я действительно должен буду извиниться в том, что наделал.

Востронюхов (возвращается с женским бельем, идет к столу). Вот извольте, сударь, посмотреть сам, какая сорочка из какого полотна, стала ли бы хорошая мамзель, которая понимает... ай, ай! Господи! ай (оступается поднося белье к морде Кайданова, падает, задевая и Кайданова, роняя свечу, стол, бьется так, что гасит свечу, если не погасла сама падая, — катавасия, мрак, стук и вопль, — Востронюхов и Кайданов корячатся по полу и стонут).

Востронюхов }
Кайданов } (вместе) Господи, господа, ногу перешиб! О-ой, о-ой! Спина! Ой, убил! убил. Спина: спину расшиб. О-ой, о-ой!

(Между тем, — по темноте, перебегают Праведнов, увлекая Наталью Богдановну, из той комнаты в переднюю, из передней Глашенька в ту комнату) (разумеется, на время перебега была погашена свеча и в той комнате. Глаша, вбежав и затворив за собою дверь, снова зажигает там свечу).

Полянский (когда понимает, что все устроено, зажигает свечу, помогает Кайданову встать и сесть. Кайданов кричит и потирает спину).

Востронюхов (вставая, подбирая белье и опять поднося к морде Кайданова). Ох, ох — извольте смотреть какой холст, — и могла ли бы хорошая мамзель, которая понимает благородство и приличие, итти в такой рубашке к благородному человеку?

(с негодованием добродетели). То-то же, сударь, значит не обманывал я вас, когда говорил, что мамзель должна была снять с себя все,—так было захлюстано, отдала моей жене подмышь, сама осталась как мать родила, и потому не могла выйти к вам. Сами рассудите, сударь, может ли хорошая девица и поступать иначе? — А вы требовали! Стыдитесь, сударь! И меня в обмане подозревали! (С крайним пафосом негодования). Стар я, сударь, чтобы обманывать! Помню, к чему мое дело приближается: перед бога предстать, всеведущего судию! (с крайней назидательностью) и вам, сударь, советовал бы о том не забывать, потому что и ваши лета такие (с достоинством идет в ту комнату и там говорит). Совестно мне подавать вам такую дерюгу, мамзель, все тело у вас обдерет, у вас тело должно быть нежное. Ну, да как быть, слышите как там расхрапелся старый-то чорт, прости, господи, мое прегрешение. Надевайте поосторожнее, мамзель, может и не обдеретесь. (Возвращаясь качает головою на Кайданова и бормочет.) Это старик называется! Стыдно нам, старикам, такого человека видеть (уходит).

ЯВЛЕНИЕ 9

Полянскій, Кайданов.

Кайданов (по временам все побряхтывая и потирая спину). Аркадий Тимофеевич, я право не знаю, как мне говорить с вами.

Полянскій. Я и не прошу вас говорить со мною.

Кайданов. Но я имею необходимость переговорить с вами, как с благородным человеком.

Полянскій (пожимает плечами). Матильда, да скоро ли ты оденешься? (Из той комнаты, Глаша.) Дайте время, нельзя же в одну минуту.

Кайданов. Конечно, Аркадий Тимофеевич, я теперь не могу не видеть, что ошибался и что у вас с моею женою не зашло еще так далеко.

Полянскій (который теперь успокоился и потому терпелив). Вы гораздо лучше сделаете, если не будете говорить ни о себе, ни о вашей супруге, ни обо мне.

Кайданов. Нет, прошу вас, выслушайте.

Полянскій (пожимает плечами).

Кайданов. Хотя совершенно признаюсь в моей ошибке при настоящем случае и тем успокаиваю себя, но когда оставил я жену с вами после обеда, то не мог не заметить, что вы неравнодушны к ней.

Полянскій. Я равнодушен к той, с которою говорил, когда вы вломились сюда.

Кайданов. Одно другому не мешает, Аркадий Тимофеевич. Потому обращаюсь к вам, как благородный человек к

благородному, чтобы предотвратить гибель многих людей. Вам известно как многочисленно семейство, из которого я взял мою жену.

П о л я н с к и й. Слышал.

К а й д а н о в. Да что вы слышали? Значит, не в подробности слышали, когда говорите так равнодушно. У отца три сестры, у матери две, — одна старая девушка, те четыре—вдовы, да те ток прибавьте, тоже до трех набирается,—а у вдов дети, двадцать две души набирается, все старые, хилые, да малые, беспомощные. Кроме собственного потомства, отца ее и матери, — все мал-мала-меньше эти-то, ее сестры и братья. Посудите же вы, как благородный человек, что со всеми этими людьми будет, — двадцать девять душ их, — что с ними будет, я вас спрашиваю? Сердце кровью обливается при одной мысли об этом!

П о л я н с к и й. Я думаю, что вы сам понимаете, какой вздор говорите. Неужели вы хотите уверить меня, что посылаете им денег? Кому же неизвестно, сколько доброты в вашем характере? Кроме того я знаю, что отец вашей супруги уездный предводитель, дает обеды и вечера, — если бы вы и не были такой человек, каким все знают вас, семейство вашей супруги не нуждалось бы в вашей помощи.

К а й д а н о в. Не нуждалось бы в моей помощи, говорите вы! А известно ли вам, что все эти люди живут...

Я В Л Е Н И Е 1)

Т е ж е, Г л а ш е н ь к а.

Г л а ш е н ь к а (*входит ухмыляясь и охорашиваясь*). Ха-ха-ха, Аркадий Тимофеевич, мне стыдно; что они обо мне подумают?

К а й д а н о в (*любезно*). Ничего я о вас не подумаю, потому что в этом состоит самое прекрасное занятие для всякой девицы (*берет ее за руку, держит перед собою, потом сажает*). Ничего я о вас не подумаю, кроме того, что вы душечка, розанчик, — о, да и в самом деле, какая вы красоточка! Дайте-ка мне полюбоваться вами.

Г л а ш е н ь к а. Кхи, кхи. Мне стыдно, Аркадий Тимофеевич.

К а й д а н о в. Миласечка, душечка, розанчик, махровый розанчик! Да-с, Аркадий Тимофеевич, так о нашем деле (*поглядывая на Глашу*). Вы говорите, нуждаются ли они в моей помощи, когда он дает обеды? Вы говорите: посылаю ли я им денег? Точно, не посылаю. А что вы скажете, когда...

Г л а ш е н ь к а (*чешет бок и старается достать почесать лопатку*). Чешется.

К а й д а н о в. А что вы скажете, когда узнаете, что они живут на моих хлебах, что его именье — мое именье.

Полянский. Это как? Извините, слишком заговариваетесь. Именье отца вашей супруги — его именье, родовое его именье, это всем известно.

Кайданов. Это всем известно, не спорю. Но известно ли вам... (Кайданов становится все развязнее, видя, что Полянский тревожится и теряет бодрость).

Глашенька (еще энергичнее повторяя чесание). Свербит, — ах, как свербит! Все тело так и свербит!

Кайданов. А вот позвольте, моя милашечка, я помогу вам немножко. (Почесывает ее, сам продолжает.) Вы не приревнуете старика, Аркадий Тимофеевич?

Глашенька. Кхи, кхи.

Кайданов. Так, да вот еще так (чесет ее) да вот еще так, милашечка, красоточка вы моя. — Возвращаясь к нашему разговору, Аркадий Тимофеевич. Вы говорите: его именье. И я согласен: его именье — его именье. Но известно ли вам, сколько стоит его именье? Пятьдесят тысяч, много шестьдесят, — семидесяти слепой дурак, и тот не даст; — с этим вы согласны?

Полянский. Слышал, что так.

Кайданов. А сколько долгов на этом имени, известно ли вам? Без процентов ровно девяносто две тысячи пятьсот...

Глашенька (встает). Я уйду, Аркадий Тимофеевич, мне стыдно сидеть при них, — что они обо мне может быть думают! Да и больно свербит тело от этой рубашки. Я пойду к вашей хозяйке, там свою надену. Я вас там буду ждать, Аркадий Тимофеевич (с особенным выводом голоса, чтобы он не мог не понять, о ком она говорит) — слышите, Аркадий Тимофеевич. (Глашенька ушла.)

ЯВЛЕНИЕ 11

Полянский, Кайданов, потом Востроныхов.

Кайданов. Итак, возвращаясь к нашему разговору: именье стоит 50 тысяч, векселей слишком на 90 без процентов, а с процентами теперь будет сто двадцать с хвостиком, — как же вы полагаете, уважаемый Аркадий Тимофеевич, много ли останется на двадцать девять животов, если векселя будут поданы ко взысканию? — Да, вы еще не знаете, в чьих руках векселя, — сказать вам? Ха, ха, ха!

Полянский (оправившийся от первого смущения). Да, хорошая спекуляция. Почему бы, например, вы могли скупить векселя человека, который надавал их на сумму вдвое больше своего состояния? — верно выданы за карточным столом, взяты копеек по 10 за рубль, и то, я думаю, было выгодно их владельцам.

Кайданов. Почему бы ни купил, но уплаты мне следует 120 тысяч.

Полянск и й. Выгодная спекуляция. За девять тысяч или меньше, приобрели право взять именье в пятьдесят тысяч, — и кроме того, получили жену такую красавицу, такую благородную женщину! Для спасения семейства, итти за такого человека! Благодарю вас за то, что научили меня, какое беспредельное уважение — благоговение должен я иметь к сердцу Натальи Богдановны.

К а й д а н о в. Уважать ее сердце, — уважайте и благоговейте, добрейший Аркадий Тимофеевич, сколько вашей душе угодно, от этого мне ни тепло, ни холодно, — ха, ха, ха! Но если вы честный человек, то надеюсь, перестанете ухаживать за нею. Понимаете: я терплю ее отцу, пока она держит себя хорошо, — как поскользнулась, — чего поскользнулась! — только чуть заартачилась против мужа — мое дело чистое: когда со мною поступают не в угоду мне, то и я не обязан благодетельствовать — ха, ха, ха! Или будете уговаривать ее, чтобы пренебрегала родными? — В том мой расчет: уже были такие случаи. Начнет, бывало, немного дурить, скажешь молодцу, штука-то вот в чем; — он станет толковать ей: плюнь на родных, пусть дохнут, она и на попятный.

Полянск и й (встает).

К а й д а н о в (удерживая его). Постойте, мы не договорили: ну-с, так как же вы намерены поступать, — слово благородного человека? Будете хлопотать, чтобы вся эта орда осталась без хлеба?

Полянск и й. Как я буду поступать, вы узнаете очень скоро.

К а й д а н о в. Значит, волочиться? Кто ж разоритель, душегубец тридцати человек?

Полянск и й. Во-первых отец вашей супруги, во-вторых — вы. Но извините, вы слышали, Матильда ждет меня.

К а й д а н о в (хохочет). Ладно, ладно! Теперь жена моя будет знать, какими глазами смотреть на вас! Для пошлого волокитства, вам не жаль губить 30 человек! Хорош обожатель! Можно полагаться на искренность и честность такого человека!

Полянск и й. Ваша супруга должна понять, что отец и мать, которые продают дочь, — и родные, которые смотрят и допускают совершать такую продажу, не стоят того, чтобы жертвовать собою.

К а й д а н о в. Ладно, ладно! (Хохочет.) Толкуйте ей это, прошу вас. Такие-то случаи уже были, — а то разве, думаете вы, такая женщина могла не иметь до сих пор поклонников? Были, государь мой любезнейший, были, — но на этом-то пункте все и шлепались. Как начнет прихвостник внушать ей: «пожертвуй для себя родными» — она и видит, что подлец, — ха, ха, ха!

Полянскій. Не знаю кого и что в ком видела она прежде, а что будет видеть — посмотрим. До свиданья. (*Встает. Громко.*) Прохор Маркелыч! (*Входит Востронюхов.*) Я думаю, Прохор Маркелыч, что этому господину, для полнейшей уверенности, не мешает осмотреть ту комнату, не осталась ли там где спрятана его жена. Мне некогда, ждет Матильда. Потрудитесь вы, Прохор Маркелыч, показать ему ту комнату, — да приглядывайте хорошенько за его руками: там есть вещи довольно ценные (*идет*).

Кайданов (*подступая к нему*). Как, милостивый государь, вы называете меня вором?

Полянскій (*отталкивая его*). От шпионства до воровства недалеко (*уходит*).

ЯВЛЕНИЕ 12

Кайданов, Востронюхов.

Кайданов (*бросаясь на стул*). Разбойник! Испытать такое унижение!

Востронюхов (*доброжелательно и утешительно*). Что же, сударь, это еще велико ли унижение. Пустяки, сударь; такие ли бывают унижения! Ей-богу, еще совершенно попустому огорчаетесь. А вы бы в самом деле осмотрели ту комнату, — мало ли что можете думать? Можете сомневаться, нет ли там другой двери, так для большего успокоения, загляните.

Кайданов (*встает*). В самом деле! Или не найду ли там какой вещички ее, если когда, хоть и не теперь, была здесь. Да и тут надо посмотреть получше (*осматривает везде по углам и под стульями, потом идет в другую комнату*).

ЯВЛЕНИЕ 13

Востронюхов, Праведнов.

Праведнов (*входя*). Папенька, мне еще вот какая мысль пришла (*шепчет*).

Востронюхов. Страшно, сынок. А как попадешь ему в переделку?

Праведнов. Не бойтесь ничего, папенька, поверьте.

Востронюхов. Так ничего?

Праведнов. Будьте спокоен, папенька.

Востронюхов. Хорошее дело, сынок. Себе послужишь и перед богом заслуга. Что беззаконию-то потворствовать? Сердце возмущается (*серьезно*).

Праведнов. Так, папенька (*тоже*).

Востронюхов. Так, сынок: свою выгоду мы должны соблюдать, но чтобы при этом совесть была чиста.

Праведнов. Это главное, папенька (*исчезает*).

ЯВЛЕНИЕ 14

Востронюхов один, через минуту Кайданов.

Востронюхов. Что, сударь, нет другой двери? Не могла бы ваша супруга уйти.

Кайданов. Да, теперь я спокоен.

Востронюхов. Значит, не обманули мы вас? Не была здесь ваша супруга?

Кайданов. Не была.

Востронюхов (*разражаясь хохотом*). Была, сударь.

Кайданов (*хлопает глазами*). Что ты врешь?

Востронюхов. Была, сударь, здесь, когда вы взошли, а то что бы мне вас в дверях-то держать?

Кайданов. Да врешь, куда ж она спряталась?

Востронюхов. Да некуда было, кроме той комнаты, сами видите, там и сидела, пока я вас уронил, погасивши свечку-то, ха, ха, ха! в темноте-то дело-то и обработалось: подменилась на ее место другая, чтобы было кого вам красоткою назвать, — ха, ха, ха! — и по справедливости называли: девушка точно, очень из себя недурна (*хохочет*).

Кайданов (*стоит остолбенелый, бросается с кулаками*). Ах ты мошенник (*Востронюхов отпрыгивает в сторону, Кайданов теряет равновесие с разбегу и чуть не падает*).

Востронюхов. Полноте, сударь, сердиться, когда поздно. Только смех делаете. А мошенником себя называть я не позволю вам, сударь: не за что. Я делаю все, как совесть велит. Кому служу, то и служу, — верно служу. Не лучше ли было бы, сударь, вам ко мне обратиться с просьбою, чтобы я взялся вам услужить? Видели, что умею. А есть, в чем услужить. Не угодно ли вам достать письма от вашей супруги к моему жильцу? Я могу показать вам, где они у него лежат.

Кайданов. Где?

Востронюхов. Какая награда будет?

Кайданов. Двадцать пять рублей.

Востронюхов. Маловато, сударь.

Кайданов. Пятьдесят.

Востронюхов. Маловато, сударь. Сто:

Кайданов. Семьдесят пять.

Востронюхов. Будь по-вашему, сударь. (*Кайданов дает, он берет.*) Запереть дверь-то на всякий случай (*запирает. Подводит Кайданова к столу или чему-нибудь такому, лишь бы вещь была с замком. Подводя к этой вещи Востронюхов говорит*). Вот здесь, сударь, в маленькой шкатулочке. (*Берут нож, ломают замок. Востронюхов говорит, указывая.*) Вот это; берите, здесь.

К а й д а н о в (берет в руки, или, если маленькая вещичка, подмышку, идет, в этот миг двери из передней с треском разлетаются, — входит Праведнов, за ним двое или трое свидетелей и Глашенька).

ЯВЛЕНИЕ 15

Те же, Праведнов, Глашенька, свидетели.

П о л я н с к и й. Господа, чем изволите заниматься? (к свидетелям). Видите. Отбирайте у этого молодца. (Свидетели берут вещь из рук оторопевшего Кайданова.) Видите, замок у стола (или «той большой шкатулки») изломан, — это оттуда вынута (свидетели идут к разломанному и осматривают).

П р а в е д н о в (к Глашеньке). Благодарим, милая, что донесла о подозрительном человеке (к Востронюхову и Кайданову). Воровство со взломом; выгодная работа, только законом не поощряется. Пойманы на деле. Запираться поздно. За несознание в преступлении наказание увеличивается. Признавайтесь, мошенники. (К Востронюхову.) Ну, ты что скажешь, подлец?

В о с т р о н ю х о в (падая на колени). Виноват!

П р а в е д н о в (к Кайданову). А ты?

К а й д а н о в. Что ж это? Разбой?

П р а в е д н о в. Ты еще ругаешься, мерзавец? (К свидетелям.) Вы слышите? (К Кайданову.) За это тебя побольше поблагодарят в суде. (К свидетелям.) Где у вас веревки-то? (Свидетели приносят веревку, вяжут Востронюхова и Кайданова. Праведнов, указывая на Востронюхова, свидетелям.) Этого берите вы, а этого повезу я сам. Пойдем, милый человек (уводят процессионально).

Минуту, сцена пуста. Потом Праведнов вводит опять в комнату связанного Кайданова.

П р а в е д н о в. Назад хочешь? Вот, привел. Что скажешь?

К а й д а н о в. Но это предательство, подлость.

П р а в е д н о в. А! Молчать, подлец (замахивается).

К а й д а н о в. Это обнаружится.

П р а в е д н о в. Твое воровство со взломом? Уже обнаружено, братец. Иди, нечего толковать с тобой (ведет).

К а й д а н о в. Что ты возьмешь, чтобы освободить меня?

П р а в е д н о в (молчит).

К а й д а н о в. Тысячу рублей дам.

П р а в е д н о в. Десять, и векселя на отца твоей жены.

К а й д а н о в. С ума ты сошел?

П р а в е д н о в (молча ведет его).

К а й д а н о в. Да постой. Сколько же?

П р а в е д н о в (молчит).

К а й д а н о в. Сколько же?

П р а в е д н о в. Сказано.

К а й д а н о в. Да что ты в самом деле? Столько заплатить за твое мошенниче...

П р а в е д н о в. Смеешь, подлец? *(Замахивается.)* *(Молчание.)*

К а й д а н о в. Это разъяснится.

П р а в е д н о в. Дело ясное. Сам царь не спасет тебя от ка- торги.

К а й д а н о в. Сколько же? *(Молчание.)*

П р а в е д н о в. Свинья ты, больше ничего *(уводит его)*.

К а й д а н о в *(уводимый)*. Ну, послушай: я согласен дать тебе...

За сценою голос Праведнова: «свинья, и говорить с тобою не хочу».

Я В Л Е Н И Е 16

Г л а ш а одна, потом Полянский и Наталья Богдановна.

Г л а ш а *(входит. Прибирает разломанное, так чтобы не было заметно, что разломано, уходит и возвращается с Полянским и Натальей Богдановной)*. Ничего не знаю-с, а только вижу, что он уехал.

П о л я н с к и й. Но мне кажется, тут был какой-то шум.

Г л а ш а. Не знаю-с, не заметила *(уходит)*.

Я В Л Е Н И Е 17

Н а т а л ь я Б о г д а н о в н а, П о л я н с к и й.

Н а т а л ь я Б о г д а н о в н а *(грустно улыбаясь)*. Видишь, мой друг, у меня нет недостатка в смелости *(целует его)*.

Занавес падает на минуту.

Сцена вторая (то есть третья)

П о л я н с к и й, Н а т а л ь я Б о г д а н о в н а *(идет вон)*.

П о л я н с к и й. Наташенька, неужели твоя безрассудная мысль возвратилась?

Н а т а л ь я Б о г д а н о в н а. Эта мысль не покидала меня, мой друг.

(На этом рукопись обрывается.)